

18+

НИКОГДА
НЕ ПОЗВОЛЯЙ ЕМУ
ДОГНАТЬ ТЕБЯ

ТЕНЬ ТЬМЫ

НИККИ СЕНТ КРОУ

Никки Сент Кроу

Тень Тьмы

Серия «Лучшие мировые ретеллинги»

Серия «Порочные Потерянные
Мальчишки», книга 2

Серия «Хиты Никки Сент Кроу»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69757597

Тень Тьмы: Эксмо; М.; 2023

ISBN 978-5-04-192962-6

Аннотация

Я чувствовала себя мёртвой внутри, пока Питер Пэн не забрал меня к себе и своим Потерянным Мальчишкам.

Только среди них, в Неверленде, я наконец ощутила себя живой.

Но в здешних лесах бродит нечто тёмное и зловещее, а королева фейри и капитан Крюк готовы сразиться с Пэном за власть над волшебной страной.

Сможет ли Король Неверленда вернуть свою тень и свой трон? И если он сделает это, буду ли я рядом с ним?

Продолжение нашумевшей серии «Порочные Потерянные Мальчишки».

Страстный, тёмный, взрослый ретеллинг культовой истории о Питере Пэне, полный жарких сцен и неожиданных сюжетных поворотов.

Высочайшие рейтинги на Amazon: неизменный бестселлер вот уже больше года!

Внутренние иллюстрации популярной художницы ALES (больше 50 000 подписчиков в ВК).

Уникальная обложка, которая светится в темноте.

Целая россыпь харизматичных мужчин, невероятные эмоции, поцелуи, ссоры и чувственность в каждом прикосновении.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	25
Глава 5	32
Глава 6	46
Глава 7	55
Глава 8	61
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Никки Сент Кроу

Тень Тьмы

Nikki St. Crowe

THE DARK ONE (Book 2)

Copyright © 2022 Nikki St. Crowe

© Дарс М., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Глава 1

Питер Пэн

Из коробки у меня в руках выпрыгивают две тени.

Две тени.

Это застаёт меня врасплох, и обе выскальзывают из моей хватки.

Одна сворачивает влево и исчезает в ветвях Небывалого Дерева, другая – направо.

– О чёрт. Хватайте их!

Та, что справа от меня, опрокидывает несколько бутылок с выпивкой. Они звонко разбиваются, по полу растекается алкоголь.

Листья Небывалого Дерева шелестят, маленькие жучки-пикси мигают от бешеного прилива энергии.

Близнецы бросаются налево. Мы с Вейном – направо.

Я следую за тенью – *за своей тенью*, потому что её я узнаю где угодно – через открытые балконные двери. Она исчезает за каменными перилами.

Схватившись за поручень, я тут же перемахиваю на другую сторону вслед за ней и шумно приземляюсь двумя этажами ниже. Земля гулко вздрагивает, и Потерянные Маль-

чишки отрываются от буйной попойки как раз в тот момент, когда тень перепрыгивает через костровую яму, и в ночной тьме вспыхивают искры.

Рядом со мной мгновенно оказывается Вейн.

– Туда, – взмахом руки он указывает на дёргающийся клубок теней под кустами русселии.

Я останавливаю Потерянных Мальчишек щелчком пальцев.

– Всем стоять на месте, ублюдки.

По коже бегут мурашки, в желудке напряжённый ком. Десятилетиями я ждал этого момента.

Тень Жизни принадлежит мне по праву. Я должен вновь забрать её себе. Я не знаю, что со мной будет, если я этого не сделаю.

Мы с Вейном движемся за ней по пятам, пытаюсь загнать в тупик.

Чем ближе мы к ней, тем заметнее трепещет тьма. Из-за наших спин за происходящим молча наблюдают Потерянные Мальчишки, где-то вдалеке воют волки.

Остров знает, что тень вернулась.

– Если я упусти её, готовься ловить, – говорю я Вейну.

– Я знаю, как обращаться с тенью, – парирует он.

– Твой чёрный глаз говорит об обратном.

Он хмурится.

Мы уже совсем близко.

Ещё немного.

Волоски на затылке и на руках встают дыбом. Осталось меньше двух футов.

Я безумно близок к обретению того, что принадлежит мне по праву.

Стук сердца отдаёт в виски, я замираю, приготовившись в нужный момент совершить прыжок.

Это моя тень. Она снова будет моей. Мне всего лишь нужно...

Я устремляюсь к ней, но тень уворачивается и улетает. Не могу удержаться от раздосадованного крика:

– Сука! – И мы с Вейном бросаемся в погоню.

Перед этой проклятой штукой лес расступается, а меня листья и ветки цепляют за волосы и за рубаху. Мы преследуем тень до лагуны, потом вдоль берега, потом возвращаемся за ней в лес по тропинке, ведущей на большую дорогу.

От быстрого бега у меня теснится в груди. Пот катится по лбу, стекает по спине.

Я схвачу её. Я должен её схватить.

Мы вырываемся с тропы на грунтовую дорогу, мчим по ней ещё мили две, и...

– Вейн! – кричу я. – Это граница нашей земли!

– Я знаю! – отвечает он. – Вижу!

Набираем темп. Тень, должно быть, чувствует это: она летит сквозь ночь, словно порождение кошмара. Может быть, так и есть. Это мой персональный кошмар. Потому что, если у меня нет тени, ничего больше не имеет значения.

Это наш последний грёбаный шанс, до конца моей территории остались считанные футы.

– Вейн!

Он пытается схватить тень, та отскакивает назад, спрыгивает со ствола дерева. Я загребаю воздух растопыренными пальцами – чувствую её притяжение, её непередаваемо *правильную* прохладу.

Но уже поздно.

Я был, казалось, ближе некуда – но всё же недостаточно.

Тень ускользает от меня и уносится прочь.

И исчезает во мраке на земле Капитана Крюка.

Глава 2

Кас

Когда тень взмывает на ветви Небывалого Дерева, его листья содрогаются. Жуки-пикси мигают и темнеют.

– Видишь её? – спрашивает Баш.

– Она тут, – откликаюсь я.

Тень скорчилась в расщелине ствола.

Будь у меня крылья, я бы взлетел туда и схватил её.

Без крыльев всё намного сложнее. Иногда мне так тянет спину, будто они, мои крылья, всё ещё там, будто я только что вернулся после долгого дневного полёта в облаках.

Баш обходит дерево кругом, взгляд прикован к кроне над нами.

– Ну и как нам это сделать, по-твоему?

– Понятия не имею...

– Как ты думаешь, что это за тень?

– Как по мне? Она тёмная. Пэна притянет его собственная тень, он и глазом моргнуть не успеет.

Баш переходит на язык фейри, потому что его понимаем только мы.

– *Если мы её поймем...* – начинает он – и даже недогова-

ривает мысль.

– Я знаю, – отвечаю я.

– Думаешь, Пэн хотел бы, чтобы у кого-то из нас была Тень Смерти?

– Трудно сказать, чего он хочет. А чего хочешь ты?

Брат бросает на меня многозначительный взгляд.

Если мы с Башем заявим права на тёмную тень, наша младшая сестра Тилли возненавидит нас за то, какая у нас будет власть. Но она сделала свой выбор. И посмотрел бы я на её лицо, когда один из нас станет Тёмным из Неверленда...

Я улыбаюсь про себя, голос брата эхом отдаётся в голове:

– Давай поймаем её первыми. Тогда мы сможем хорошенько подготовить нашу месть.

Мы подбираемся поближе.

– Как насчёт кому-нибудь влезть туда? – предлагаю я. – И согнать её вниз.

– Ну что, на «камень-ножницы-бумагу»? Проигравший лезет на дерево.

Мы продолжаем следить за ветвями: листва снова шумит, тень шевелится.

– Давай живее, – подгоняю я брата.

– Я-то готов, тебя жду.

Я фыркаю и опускаю сжатый кулак на ладонь другой руки.

– Камень-ножницы-бумага-бабах! – говорим мы в унисон и лишь на мгновение отводим взгляд от дерева, чтобы по-

нять, кто победил.

– Камень? Серьёзно, Баш? – смеюсь я. Я показал «бумагу». А Баш всегда показывает «камень», потому что он очень предсказуем. – Похоже, тебе лезть наверх.

– Да я знаю правила, придурок.

Он заходит под толстую ветку, свисающую вниз, осторожно обхватывает её, готовясь подтянуться. В детстве мы часами пропадали среди кривых извилистых деревьев леса фейри. Мы взбирались по ним, потом слетали вниз, потом снова взбирались.

– Готовься ловить, – шепчет Баш.

Я сгибаю колени и вытягиваю руки.

– Готов. Я всегда готов.

Он подтягивается. Ветка прогибается под его весом. Тень на дереве вырастает в длину.

– Помедленнее, – советую я, перемещаясь вслед за его движениями.

– Я знаю, что делаю.

Тень вздрагивает, и ветка тоже трясётся. На стропилах под потолком громко чирикают попугаи, выкрикивая пронзительные предупреждения.

Баш забирается на ветку с ногами и присаживается на корточки, чтобы удержать равновесие. Медленно продвигается вперёд, кора громко скрипит под сапогами. Тень сжимается, рычит.

– Осторожнее!

– Я и так осторожен! – шипит он.

Тень перепрыгивает на следующую ветку. Баш заново нацеливается на неё, и я бросаюсь туда же.

Если мой близнец или я завладеем Тенью Смерти, всё изменится. Когда сестра изгнала нас из двора фейри, мы потеряли почти всё, что у нас было.

Снова обрести силу...

Баш загоняет тень в развилку между ветвями. Контуры тени отчётливо подрагивают. Она боится?

Или нет, наоборот...

Она бросается вперёд. Раздаётся глубокий гортанный рёв, и жуки-пикси слетают с дерева ярким неоновым роем. Попугаи замолкают, и в зловещей тишине Баш издаёт влажный сдавленный звук.

И я чувствую запах крови.

Тень отлетает от дерева, и одновременно Баш опрокидывается назад.

– Баш! – Я пытаюсь поймать его, но не успеваю, и он приземляется спиной на пол, из его горла со свистом вырывается дыхание.

Везде кровь.

Абсолютно, сука, везде.

– Куда ты ранен? – допытываюсь я, подобрившись к нему. Он судорожно зажимает шею, силясь сделать хотя бы глоток воздуха, и между пальцами у него пузырится кровь.

– Дарлинг! – ору я. – Уинни!

Она вбегает в комнату, но замирает при виде расплзающейся лужи крови.

– Принеси полотенце! – рявкаю я. – Быстро!

Глаза Баша широко раскрыты, губы в крови. Он пытается что-то сказать мне, но не может произнести ни слова.

– Мы принцы фейри, – говорю я ему. – Фейри не умирают. Слышишь меня?

Он снова хватается ртом воздух, в уголках глаз выступают слёзы.

Он – половина меня.

Если он умрёт, я умру вместе с ним.

Это единственное, в чём я по-настоящему уверен.

Глава 3

Уинни

Принести полотенце.

Полотенце?

Я не знаю, что где лежит в этом доме.

Я иду на кухню, это кажется самым подходящим местом, и начинаю открывать шкафчики. Сердце грохочет в барабанных перепонках, а руки трясутся.

Там было так много крови.

Баш... о боже.

Меня мутит.

Сколько крови может потерять принц фейри? Я недостаточно знаю о Неверленде и о здешней магии. Можно считать, я ничего ни о чём не знаю.

Я распахиваю настежь последний шкаф и вскрикиваю от облегчения, найдя там стопку полотенец. Хватаю несколько и бегу обратно на чердак.

Теперь Баш полусидит, опираясь на колени брата, а Кас снятой футболкой зажимает ему рану на горле.

Кровь на досках пола напоминает грубую абстрактную картину, смазанную, липкую и быстро разрастающуюся.

Её слишком много.

А Баш чересчур бледный. Мертвенно-бледный.

– Шевелись, Дарлинг, – зовёт Кас срывающимся голосом.

Я мчусь к нему, падаю на пол, поскользнувшись в крови, поднимаюсь. Вместе мы прижимаем полотенца к горлу Баша.

Где Пэн? Или Вейн? Если Пэн вернул свою тень, возможно, у него получится что-то сделать. Он же должен стать всемогущим, да?

Взгляд у Баша остекленевший и отстранённый.

– Что нам делать? – спрашиваю я.

– Не знаю, Дарлинг! – огрызается Кас. Он на грани слёз. – Я, мать твою, не знаю.

Он держит брата на руках, прижимая к груди.

– А могут фейри... я имею в виду... вы способны исцелиться?

– Да, но от такой кровопотери... – Он стискивает зубы и крепко зажмуривается. – Её правда слишком много, – заключает он, снова взглянув на меня.

Я сглатываю, пытаюсь справиться с подступающим к горлу комом, и беру руку Баша в свою. Его пальцы холодные и вялые.

До того как я попала в Неверленд, до встречи с близнецами, я даже не верила в фей.

Чёрт, я чуть не убила Каса, когда сказала, что не...

Стоп.

– Кас.

Он смотрит на меня, но едва ли видит.

– Помнишь, ты мне говорил, если произнести вслух, что не веришь в сам-знаешь-кого, то это убьёт тебя?

Он облизывает губы. По лицу у него размазана кровь.

– Да, я помню, – откликается он дрогнувшим голосом. Я вижу, как надежда ускользает из его глаз, и от этого у меня саднит в груди и крутит живот.

– Такая простая фраза – и такое мощное оружие. Верно же?

– К чему ты клонишь, Дарлинг?

– Должно быть, это какая-то магия?

– Думаю, да.

– Тогда что случится, если сказать наоборот? Что будет, если сказать: «Я верю в фей»?

Баш дёргается и издаёт сдавленный стон.

Кас переводит взгляд на брата, затем снова смотрит на меня, широко раскрыв глаза.

– Давай ещё раз.

– Я верю в фей. – Я стискиваю руку Баша. – Я верю в фей.

Баш делает сиплый вдох.

– Ещё раз, Дарлинг.

– *Я верю в фей!*

Баш перекачивается из рук Каса на пол на четвереньки и вытягивает воздух.

– Срань господня, – бормочет Кас. – Охренеть. Это сра-

ботало.

– Ты в порядке? – спрашиваю я у Баша. Борюсь с желанием дотянуться до него и потрогать.

Он снова переворачивается на спину, моргает, глядя на потолочные балки.

– Грёбанный ад, – говорит он. – Это...

– Полная жуть, – сообщает Кас.

– Очень пугающе, – добавляю я.

– Охрененное приключение! – заканчивает Баш.

Кас не глядя награждает его шлепком.

– Подонок. Я думал, ты сдохнешь!

Тот снова моргает и касается кожи на горле. Полотенце и футболка валяются рядом окровавленной кучей.

– Я тоже так думал. Но ладно тебе, братиш. Вообще-то смерть была бы большущим приключением.

– Ненавижу тебя. Ты самый мудацкий мурак на свете.

– Мне надо выпить. – Баш поднимается.

От этих парней у меня голова идёт кругом. Меня до сих пор трясёт и знобит, я вне себя от ужаса из-за того, что Баш чуть не лишился жизни. Он по-прежнему весь в крови, но хотя бы уже не на грани гибели.

– А где Пэн? – спрашивает он.

– Пока его не видел, – отвечает Кас, продолжая сидеть на полу в луже крови брата. Он всё ещё выглядит потрясённым и отчуждённым.

На пути Баша к бару под его сапогами хлюпает кровь.

Я поднимаю руки и обнаруживаю, что они тоже испачканы алым.

Думаю, и мне не помешает выпить.

– Давай, Дарлинг. – Кас встаёт и вытирается одним из запасных полотенец. Он протягивает мне руку, но она всё ещё в красных пятнах.

Я хватаюсь за его ладонь, и Кас легко поднимает меня на ноги.

С другой стороны чердака нам навстречу с винтовой лестницы выходят Пэн и Вейн.

Атмосфера в помещении сразу меняется.

Пэн видит кровь на полу, нас с близнецами, тоже в крови с ног до головы, но ничего не говорит.

Он добирается до стойки, хватая случайную бутылку и с хлопком вынимает пробку.

Что-то не так.

Не похоже, что он собирается праздновать победу.

Пэн ловит губами горлышко бутылки и залпом выпивает огромный глоток, по горлу низко прокатывается кадык.

Когда он наконец отрывается глотнуть воздуха, все мышцы и сухожилия его рук напряжены от едва сдерживаемой ярости. На лбу набухает вена.

– Ты нашёл свою тень? – осмеливается спросить Баш.

Вейн быстро качает головой. Скорее предупреждение, чем ответ.

Пэн покачивается на ногах.

Волосы у меня на затылке встают дыбом.

Пэн обхватывает пальцами горлышко бутылки и с размаху швыряет её в стену. Бьётся стекло, ром разлетается вокруг брызгами, осколки осыпаются на пол. Ещё одну бутылку Пэн тоже разбивает вдребезги, затем резко проводит рукой вдоль барной стойки, сметая всё на своём пути.

Бросив через плечо:

– Уведи её отсюда, – Вейн устремляется к нему.

– Пойдём, Дарлинг. – Кас ловит меня широким захватом окровавленных рук.

Пэн с диким рёвом продолжает бить бутылки. Рычит, хватая массивный стол и кидает в стену – дерево взрывается щепками.

У меня сводит живот.

– Он её не вернул, – потрясённо бормочу я, посмотрев назад из-за плеча Каса. – Он потерял свою тень, и Тень Тьмы тоже исчезла, и Баш чуть не умер, и...

– Всё будет хорошо. – Кас ведёт меня в комнату и закрывает за нами дверь.

– Как ты можешь так говорить? Твой брат едва не умер. Всё должно было быть по-другому. Пэн ведь нашёл свою тень. Он должен был забрать её себе, и тогда всё...

– Уинни. – Кас берёт моё лицо в ладони. Мы оба до сих пор в крови. Снаружи, вне моей комнаты, Пэн продолжает в бешенстве крушить и ломать всё вокруг. – Послушай меня, Дарлинг. Всё будет хорошо.

– Он всегда такой?

– Правда ли у Короля Неверленда взрывной характер? – Он фыркает. – О да. Ещё какой.

– Он жуткий.

– Он остынет.

– Он не вернул свою тень.

– Похоже на то.

– Это всё моя вина.

– Что? Нет. – Когда он хмурится, тонкие морщинки вокруг его глаз обозначаются резче. – Что ты такое говоришь?

– Её забрали мои предки. Он потерял её – *дважды* – из-за женщин Дарлинг.

– Нет, – Кас качает головой. – Это моя мать устроила заговор, чтобы похитить тень. Девчонка Дарлинг была лишь её инструментом.

Я смотрю на него, чуть не плача. Ненавижу плакать. Кас заправляет мне волосы за ухо, мягко касаясь кончиками пальцев.

От этого прикосновения я вздрагиваю.

– Твоя мать – Динь-Динь, да? – спрашиваю я. Он кивает. – Тогда как ты можешь оставаться здесь, с Пэном, если он её убил?

Кас разворачивает меня в сторону ванной, не убирая ладоней с моих плеч, и подталкивает вперёд.

– Наша мать была чёртовой сукой. – Он включает свет. – Она ревновала Пэна к любой женщине, которая к нему при-

ближалась. Она хотела быть его королевой, вместе с ним править его частью Неверленда. Когда Пэн отказал ей, она двинулась по иерархии дальше и таким образом вышла замуж за нашего отца, короля фейри. Она была самой обычной домохозяйкой фейри, но жаждала большего. – Он открывает кран, проверяет воду. – У неё было одно преимущество: ослепительная красота в сочетании с обжигающей холодностью. Мой отец хотел смягчить её. Но ему это так и не удалось.

Наконец удовлетворившись температурой воды, он затыкает пробку, и ванна начинает наполняться. Кас подходит ко мне, берётся за подол платья и жестом побуждает меня поднять руки.

– Почему вы его убили? – спрашиваю я.

Он стягивает с меня платье одним плавным движением.

– Потому что его тоже одолела чрезмерная жажда.

– Жажда чего?

– Власти.

– Все на этом острове жаждут власти.

– Да, помимо прочего. – Его взгляд останавливается на мне: я голая и залитая кровью.

Я замечаю выпуклость на уровне его паха, и мне не терпится положить туда руку. Я совсем поехавшая, если на фоне трагедии я хочу раствориться в удовольствии? Если от кровопролития мне ещё больше хочется прикоснуться к кому-то, чтобы перестать думать и чувствовать?

Может, и так. Может быть, все мы испорченные и мерз-

кие. Может быть, поэтому мне кажется, что я здесь на своём месте.

Я снова оглядываю тело Каса: он голый по пояс, в одних чёрных штанах. Прямые линии татуировки волнообразно изгибаются на кубиках пресса. Я протягиваю руку и прослеживаю одну из линий от груди вниз по торсу. Его пресс ещё больше напрягается от моих прикосновений, и я внезапно чувствую между ног пульсацию желания.

– Ты это очень умно придумала, – замечает он тихо, сдержанным тоном. – Ты спасла жизнь моему брату. Я этого не забуду.

– Это были просто слова.

– Нет, это магия. – Кас постукивает меня по грудной клетке, прямо над сердцем. От его близости у меня тут же твердеют соски, и я не могу побороть желание выгнуть спину, придвигаясь ещё ближе к нему. – Магия и решимость удержать его.

– Я же решила вернуться сюда с вами. Со *всеми* вами.

Я по-прежнему веду пальцем по линии его татуировки – та проходит через пупок и исчезает под поясом штанов.

Но когда я уже готова скользнуть ниже, Кас ловит моё запястье.

– Иди в ванну, Дарлинг. Вымойся. – Он отпускает мою руку. – Не выходи, пока мы тебе не скажем.

– Ты уходишь от меня? – Я тянусь к Касу, но он уже за пределами досягаемости.

– Если я пробуду здесь дольше, Дарлинг, я перегну тебя через край ванны и буду трахать до синяков на рёбрах.

Я расправляю плечи.

– А может быть, я этого и хочу.

– А я нет, – отрезает он. – Мой член наконец окажется в этой тугой киске не от безысходности. Вымойся и отдохни. – Он останавливается у двери ванной и оборачивается на меня через плечо. Тёмные волосы всё ещё собраны в пучок, но несколько выбившихся окровавленных прядей обрамляют лицо. Он – потрясающее зрелище. Дерзкое, кровавое, великолепное. – Будь хорошей девочкой, – договаривает он, – и делай, как я велю.

И уходит.

Кас – самый приятный парень из их компании, именно поэтому, когда он отдаёт мне приказы, у него получается чуть ли не горячее, чем у других.

Как будто волк стягивает овечью шкуру, скаля бритвенно-острые зубы.

Глава 4

Баш

Успокаивается Пэн где-то в течение часа и за это время успевает перебить большую часть бухла. Я понимаю, он выбесился из-за того, что потерял свою тень – *снова* – но разве стоит гробить столько драгоценного рома на выражение досады?

Я думаю, не стоит.

По крайней мере, ему тёмная тень не перерезала горло.

Эта штука действовала жёстко.

Если мы с ней снова пересечёмся, возможно, нам всем конец. Может, пусть лучше идёт своей дорогой. Думаю, теперь я немного лучше понимаю дикие вспышки бедолаги Вейна. Вообразить не могу, чтобы такая тьма жила у меня в крови.

От одной мысли об этом меня потряхивает, по плечам пробегает дрожь, и я делаю изрядный глоток рома из бутылки, которую мне удалось спасти от карающей руки Пэна. Алкоголь помогает избавиться от пробирающего холода. Чувствую себя так, будто из меня вырвали душу через задницу. Всё болит, и голова раскалывается. Безопасно ли для Дарлинг вернуться? Может, мне бы полегчало от возможности

засунуть хер в её сладкую киску.

Под подошвами Вейна похрустывает стекло: он отыскивает одну из оставшихся бутылок и передаёт спасённый бурбон Пэну. Грудь Пэна тяжело вздымается, лоб покрыт потом. Король Неверленда не любит проигрывать.

– Выпей, – приказывает Вейн.

Пэн пьёт, стискивая горлышко бутылки так, словно это чья-то шея, которую он хочет свернуть. Вообще-то я его не виню. Он потерял свою тень, Тень Смерти освободилась, и теперь Крюк может заполучить силу, которой не заслуживает.

Я отпиваю ещё глоток из своей бутылки и чувствую взгляд брата.

– Ну что? – спрашиваю я его.

– Как ты себя чувствуешь?

– Я в порядке. Дарлинг меня исцелила. Я бы сказал, что никогда так хорошо себя не чувствовал.

Кас хмурится.

– Прекратите это дерьмо, – морщится Вейн. – Если вам двоим есть что сказать, говорите вслух.

Кас мрачнеет ещё больше. Пэн падает в кожаное кресло, уперев бутылку в поднятое колено, и откидывает голову на высокую кресельную спинку.

– Ну и что теперь? – спрашиваю я. Давайте-ка поскорее с этим покончим, и я пойду к своей Дарлинг.

Пэн сидит с закрытыми глазами. Никто из нас не говорит

ни слова.

Внизу с грохотом распахивается входная дверь, и до чердака долетает мешанина звуков.

Некоторые Потерянные Мальчишки возвращаются из города с потерянными кисками на буксире.

Хихиканье девчонок мало чем отличается от звона колокольчиков фейри.

Пэн открывает глаза.

Не так давно, до появления Дарлинг, мы спустились бы к ним, чтобы взять то, что нам нужно. Теперь... теперь я не уверен, что любая мокрощёлка мне подойдёт.

Но что бы мы там ни собирались делать, сейчас всё решается за нас, потому что девчонки приходят к нам по собственному желанию. Они бывали здесь раньше. Они подпрыгивали на наших членах, набирали полные рты нашей спермы.

– Эй, – зовёт первая вошедшая девушка, ленивой походкой направляясь к королю. Он наблюдает за её приближением, полуприкрыв веки.

Не помню её имя, но она лидер этой стайки. Либби или какая-то хрень наподобие.

Она усаживается Пэну на колени. Он позволяет.

Другие девицы подходят к дивану и занимают место между братом и мной. Может, мы и не короли, но принцы, и даже несмотря на то, что нас изгнали, мы, несомненно, ценный приз.

Так и напрашивается дотянуться до какой-нибудь и облапать.

Но при этом мне как-то неохота.

Чёрт, что со мной?

Я не из тех, кому понятно, что значит «не хотеть».

Либби обхватывает Пэна за шею и прижимается к нему. Он делает ещё один большой глоток бурбона.

– Скучал по мне? – спрашивает она, хлопая ресницами.

Девушка рядом со мной закидывает ногу на ногу, и юбка ползёт вверх по молочно-белым бёдрам.

– Как делишки, Баш?

Эту я помню. Кора. Я трахал её несколько раз. Но чаще доводил до слёз. Она шлюха во всём: ей нужен и член, и внимание. Но я не то чтобы способен дать ей то, что она хочет.

– Ты самовлюблённый придурок, – сказала она мне в прошлый раз, когда была здесь.

– Кора, милашка, – ответил я, – как будто мне не насрать, что ты обо мне думаешь.

Конечно, в этот момент я засаживал другой девке по самые яйца.

При мысли об этом член вздрагивает, и мне приходится бороться со вспыхнувшим желанием схватить её и затащить к себе на колени.

Что меня останавливает?

Осознание, что прямо по коридору от меня находится Дарлинг.

То, что она обо мне думает, меня как раз беспокоит, и я не знаю, как мне к этому относиться.

– И что ты на меня так смотришь? – говорит Пэн Вейну.

Только у Вейна рядом нет девицы. Будь это реальный шанс заполучить его, любая позволила бы ему за собой погоняться, но здесь заранее ясно, что попытка обречена. Вейну они интересны не больше, чем искусство фигурного складывания салфеток.

– Как думаешь, что сделает твоя крошка Дарлинг, если войдёт сюда прямо сейчас и увидит *вот это* у тебя на коленях? – ядовито интересуется Вейн.

Либби гневно открывает рот:

– Эй!

Вейн переводит тяжёлый взгляд на девушку, и она быстро захлопывается.

Пэн выпрямляется в кресле и смотрит на Тёмного из-за вздымающихся здоровенных сисек Либби.

– Я король, – заявляет он пьяно. – Я делаю то, что захочу.

– Убеждай себя дальше.

– Мы ни для кого не делаем *исключений*, – последнее слово Пэн произносит так, словно это несусветная чушь.

– А, так это ты мне доказываешь? – парирует Вейн.

– Ну и что, чёрт возьми, она может с этим сделать? – хмыкает Пэн.

Вейн откидывается на спинку кресла и открывает книгу. У него всегда есть книга под рукой.

– О, она поставит тебе мат ещё до того, как ты поймёшь, что сидишь за доской.

Кас спрашивает у меня: *«Как думаешь, когда Вейн признает, что не испытывает ненависти к Дарлинг?»*

Я хмыкаю.

«И испортит себе репутацию? Никогда».

«Однако он прав, – замечает Кас, – если Дарлинг придёт сюда, она разозлится».

«Пэн слишком пьян и зол, чтобы трезво мыслить. С радостью погляжусь, какая будет сцена, если она появится».

Темноволосая девушка, которую я не узнал, подбирается ближе к брату.

– Меня зовут...

– Мне всё равно, как тебя зовут, – отвечает Кас, едва взглянув на неё.

«Ну и кто сегодня ведёт себя как мудака?» – подкальываю я.

«Отвали».

«Девчонка Дарлинг обвела тебя вокруг пальца».

Кас отвечает мне тяжёлым взглядом.

«У неё на каждого по пальцу найдётся».

Я громко смеюсь. Девушки недовольно хмурятся, раздражённые тем, что их исключили из разговора.

Вейн садится за книгу, а Пэн, будто подначивая его сказать что-то ещё, продолжает возиться с Либби. Но не раздевает её. Не лезет языком к ней в рот. Не пытается её трахнуть.

По его поведению я вижу правду.

Питер Пэн так же сопротивляется своему желанию, как и я.

Глава 5

Уинни

После ванны я укутываюсь в плед и уютно устраиваюсь в кресле у открытых окон, слушая шум океана внизу. В комнате темно, если не считать косых лучей лунного света. Я кладу на подоконник босые ступни, и их овевает прохладный воздух.

Должно быть, я правда засыпаю на какое-то время – а потом резко, как от толчка, прихожу в себя, и к тому моменту океан уже успокаивается до мягкого плеска волн о галечный пляж.

За пределами своей комнаты я слышу девичий смех, и что-то неприятно-тёмное ворочается у меня в животе.

Я отбрасываю одеяло, иду к закрытой двери и прижимаюсь ухом к прохладному дереву.

Там определённо есть девушки. Я слышу отчётливый гул голосов Каса и Баша.

Неужели они действительно загнали меня в комнату, а потом решили в моё отсутствие устроить вечеринку?

К горлу подкатывает болезненная острая ярость.

Что Питер Пэн сказал той ночью? Никому нельзя меня

трогать. Он думает, что владеет мной, как своей собственностью? Что он может делать со мной всё, что ему заблагорассудится, без каких-либо последствий для себя?

Конечно, Король Неверленда считает, что правила на него не распространяются.

Кас велел мне оставаться в своей комнате, пока они не разрешат мне выйти, но я им не хренова пленница. Уже нет.

Я рывком открываю дверь и следую по коридору на чердак за отблеском золотого света.

В воздухе вьётся дым. На ветвях Небывалого Дерева среди сонных, тихо журчащих попугайчиков блестят жуки-пикси.

И по всей комнате, в том числе на коленях у Питера Пэна, я вижу хорошеньких девушек.

На первый взгляд это мои ровесницы, хотя тут, на острове, трудно сказать, смертные они или бессмертные. Я до сих пор не знаю, как это всё работает. Кто стареет, а кто нет. Может быть, и вовсе никто. Может быть, они все застряли во времени, как жук в капле древней древесной смолы.

Когда я останавливаюсь рядом с угловым диваном, в комнате повисает тишина.

Близнецы смотрят на меня. Между ними, но не вплотную, на диване расположились несколько девушек. Вейн сидит в кожаном кресле с раскрытой книгой в руках. Меня он демонстративно не замечает. Во рту у него сигарета.

В соседнем кресле на коленях у Питера Пэна восседает блондинка. Девушка смотрит на меня как на мусор, выбро-

шенный океаном на берег.

Мы с Пэном встречаемся глазами.

Пока мы меряем друг друга взглядами, его лицо становится всё более напряжённым.

Я сощуриваюсь, пытаюсь замедлить дыхание и успокоить колотящееся сердце.

У него ещё нет своей тени. Он не всемогущ. Это означает, что если я хочу отстоять свою позицию, сейчас самое время, и во мне возникает внезапная, настоятельная необходимость отомстить ему за то, что у меня сводит живот, за то, что он заставил меня почувствовать себя ревнивой сучкой, хотя я не заявляла своих прав ни на кого из них.

А может, он делает это специально. Может быть, он хочет посмотреть, как я отреагирую.

Выражение его лица едва заметно оживляется, губы слегка кривятся, когда он чувствует перемену в моём поведении.

Сейчас или никогда.

Я бросаюсь к лестнице.

Пэн скидывает девушку с колен, она разражается протестующим пронзительным визгом и шлёпается на пол.

Я чувствую, как Пэн несётся за мной по пятам, и по рукам бегут мурашки.

Он крупнее меня и определённо быстрее за счёт длины ног. Но я долго жила в старых домах и знаю, какие их свойства могу использовать в своих целях.

На лестнице я подтыкаю платье под задницу, сажусь на

перила и стремительно скатываюсь вниз.

Пэн, пытаясь схватить меня, промахивается на дюйм, и секунду спустя я спрыгиваю на землю.

Он бегом спускается на несколько ступенек, но быстро отказывается от этой идеи и, упёршись в поручень, перемахивает через него.

А я уже бегу, чтобы осуществить свою месть.

В костровой яме потрескивает огонь, вокруг собралось с десяток Потерянных Мальчишек. Я выбираю первого попавшегося, прыгаю в его объятия, обхватываю ногами его талию и прижимаюсь губами к губам.

Об удовольствии речь не идёт.

Я хочу обозначить свою позицию. К несчастью для Потерянного Мальчишки.

Он напрягается подо мной.

И в этот момент Пэн нагоняет меня и оттаскивает прочь.

Потерянный Мальчишка смотрит на нас широко раскрытыми глазами, в лице у него ни кровинки.

– Прости, король, я не собирался к ней прикасаться! Она сама на меня накинулась!

Пэн рывкает на меня:

– Какого хрена ты творишь?

– А какого хрена *ты* творишь?

– Им нельзя тебя трогать, – он неопределённо взмахивает рукой в сторону Потерянных Мальчишек. – Они это знают. И ты это знаешь.

Я скрещиваю руки на груди и вызывающе выпячиваю бедро.

– *Им* нельзя прикасаться ко мне, – подчёркиваю я, – но я как-то ничего не слышала, чтобы мне запрещали прикасаться к ним. А раз так, согласно этому правилу я могу трогать кого захочу, по собственному усмотрению. Если ты кого-то трогаешь, то и я могу кого-то трогать.

На балконе Кас и Баш маскируют смех фырканьем.

Пэн едва не дымится от ярости.

– Давай обсудим это наверху.

– Нет.

– Нет?

Тишину нарушает только потрескивание огня и шелест морского бриза в пальмовых листьях.

– *Нет?* – повторяет он.

Потерянный Мальчишка, на которого я налетела, отступает на шаг. Остальные не двигаются ни на дюйм.

Пэн разглядывает меня, как непослушного ребёнка. А потом вдруг перекидывает меня через плечо – у меня возникает некоторое ощущение дежавю.

Я принимаюсь молотить его по спине с воплем:

– Я не твоя собственность!

Конечно, это бесполезно. Питер Пэн состоит из сплошных жил, мускулов и непоколебимой гордыни. Он тащит меня вверх по лестнице, едва замечая удары моих кулаков.

Когда мы проходим мимо близнецов на балконе, я пыта-

юсь приподняться:

– Поможете мне?

– Извиняй, Дарлинг, – дьявольски усмехается Баш. – Ты сама заварила эту кашу.

Я сдуваюсь и обмякаю, и Пэн заносит меня в дом. На чердаке он громко щёлкает пальцами и приказывает:

– Выметайтесь отсюда.

Девицы убегают, я слышу цокот каблуков на лестнице.

Пэн бросает меня на кожаное кресло и обвиняюще тычет пальцем в мою сторону, в золотистом верхнем свете сверкают серебряные кольца.

– Я, мать твою, не в настроении для таких штук.

– Забавно, я тоже была не в настроении, выйдя из своей комнаты, обнаружить у тебя на коленях какую-то неверлендскую шлюшку.

Он садится в соседнее кресло, вытянув длинные ноги, и сердито хмурится. Кладёт в рот сигарету, щелчком открывает зажигалку.

Едва вспыхивает пламя, бумага и табак загораются, и Пэн делает большую затяжку.

Зажигалка захлопывается.

Дым вьётся, как полосы внутри агата.

Выдохнув, Пэн упирается локтем в подлокотник кресла, зажав в пальцах сигарету. Он смотрит прямо на меня, голубые глаза отражают свет.

Мне жарко и холодно одновременно.

Я хотела его внимания – и вот оно.

– Я человек прямой, – начинает он. – Я не люблю играть в игры. Если тебе есть что сказать, Дарлинг, скажи это мне в лицо.

Я выдыхаю через нос.

Что я хочу сказать? И как вообще мне это сказать, чёрт побери? Признаюсь, мой план не шёл дальше того, чтобы Пэн пожалел, что прикоснулся к другой девушке.

Но я думаю, суть как раз в этом, не так ли? Так что лучше сказать как есть.

– Я не хочу делиться.

Он вызывающе щурится.

– Если мне нельзя прикасаться ни к кому другому, то и вам нельзя, – договариваю я.

Пэн проводит языком по нижней губе изнутри. Его глаза не отрываются от моего лица, и под его тяжёлым взглядом я потираю бёдрами друг о друга, чтобы немного подавить зуд между ног.

– Нас четверо очень жадных мужчин. Ты правда считаешь, что способна удовлетворить наши аппетиты?

Мне даже задумываться не приходится.

– Да.

Его взгляд становится тёмным и опасным, и мне вдруг кажется, что он с самого начала знал, к чему всё это приведёт. Он нарисовал карту, и я проследовала к месту, обозначенному крестиком, прямо в его ловушку.

– Тогда покажи мне, – говорит он.

– Как?

– Ты хочешь нас четверых, тогда вставай на колени и поработай ртом. Покажи мне, что сможешь быть нашей шлюшкой, Дарлинг.

Зуд нетерпения усиливается, и я чувствую, как клитор у меня набухает жаждущим прикосновений бугорком.

Ну ладно. Пэн хочет представления – он его получит.

Я встаю. Пэн делает ещё одну длинную затяжку, выпускает дым из губ плотным облаком и втягивает его обратно.

Я вне себя от напряжения и возбуждена больше, чем ожидала.

Я пытаюсь опуститься на пол перед ним, но он лишь коротко качает головой.

– Сначала близнецы. Я хочу посмотреть, как ты давишься ими.

Его резкий тон предназначен для того, чтобы отпугнуть меня, но он не слишком хорошо меня знает, если думает, что у него получится. Потому что в животе у меня порхают миллиарды крыльев, а киска пульсирует.

Я подозреваю, что если Король Неверленда прикажет принцам фейри трахать меня в рот, пока я не заплачу, они это сделают.

И, подозреваю, мне это понравится.

Когда я поворачиваюсь к близнецам, Баш уже держит член в руке, словно всю ночь дожидался этого момента.

Я пересекаю комнату и ныряю вниз, усаживаясь между его ног, грубый ворс ковра впивается в колени. Баш уже гоняет член в кулаке, дроча себе долгими медленными движениями. На головке блестит предэякулят, и Баш стирает его подушечкой большого пальца, а затем проводит ей по моей нижней губе.

Я слизываю языком его вкус, и в моей киске возникает ответный трепет.

– Твою бесстыжую щёлку я отымел уже дважды, – говорит он. – А теперь с радостью познакомлюсь и с твоим ртом.

– Тогда чего ты ждёшь? – дразню я.

Он издаёт глубокий грудной стон, хватая меня за волосы и притискивает к себе.

Размер его члена у меня во рту застаёт меня врасплох, и воздух застревает в горле, когда я пытаюсь приспособиться.

Баш качает бёдрами вперёд, одновременно толкая меня на себя, и головка его ствола ударяется мне в горло. Я издаю захлёбывающийся звук. Он на мгновение выходит из моего рта, и я тут же жадно хватаю большой глоток воздуха.

Пэн говорит у меня за спиной:

– Не нежничай с ней, Баш. Она этого хотела, так заставь её поработать.

– Кто я такой, чтобы не выполнить требование короля? – Баш снова подтаскивает меня вплотную к себе и поднимается на ноги.

Он шлёпает меня членом по лицу, и я ахаю от неожидан-

ности.

– Не останавливайся, Дарлинг. Продолжай. – Он улыбается мне, янтарные глаза сияют.

Я меняю положение и обхватываю его член губами, скользая по нему вверх-вниз. Баш зарывается рукой в мои волосы и сильно дёргает, понуждая взять глубже.

– Молодец, хорошая девочка, – говорит он. – Посмотри на меня.

Я вытягиваю шею, чтобы встретиться с ним взглядом, и блеск тёмного удовлетворения в его глазах лишь усиливает ощущение парения у меня в животе и пульсацию клитора.

Если бы он коснулся меня. Если бы в то же самое время меня трахал его брат. Я хочу... Я хочу...

– Вот так, Дарлинг.

Он качает бёдрами, въезжая мне в рот.

– Чёрт, да.

Я никак не могу отдышаться, и на глаза наворачиваются слёзы, когда головка снова и снова ударяется мне в горло. Я быстро выдыхаю через нос, пытаюсь подстроиться к темпу и не задохнуться.

– О, чёрт, Дарлинг!

Всё это время я чувствую на себе взгляд Пэна, упивающегося зрелищем.

Есть нечто крайне захватывающее в том, чтобы быть увлекательным представлением для чужих глаз.

Баш двигает бёдрами всё быстрее, трахая меня в рот так

яростно, что это максимально похоже на наказание.

И когда он наконец изливается внутрь и сперма растекается у меня по языку, я глубоко вдыхаю, стараясь не отстраняться, пока он не спустит в меня всё до последней капли. Меня трясёт от нервного возбуждения, мне жарко, и я безумно хочу трахаться ещё.

Баш достаёт член и приподнимает моё лицо за подбородок.

– Ты всё проглотила? Дай-ка глянуть, Дарлинг.

Я широко открываю рот и высовываю язык.

Конечно, проглотила. Я в этом деле не новичок.

– Хорошая девочка, – повторяет Баш и, наклонившись, целует меня, долго и глубоко, скользя языком по моему. Отстранившись, он упирается со мной лоб в лоб и с чувством произносит: – Чёрт, ты даже не представляешь, как мне это было нужно.

– Может быть, мне это было нужно ещё сильнее.

Он негромко усмехается.

– Ну ты ещё получишь, даже сверх необходимого. Кас, – зовёт он, распрямляясь, – добудь мне верёвку?

Слышен стук шагов Каса, он исчезает из поля зрения и возвращается с отрезом верёвки в руках. Меньше чем за две секунды Баш заводит мне руки за спину и связывает запястья.

Сам он так и остаётся у меня за спиной, держа в одной руке конец верёвки, а другую ладонь кладёт мне на горло.

– Твоя очередь, брат, – говорит он.

У Каса уже стоит, но он медлит, разглядывая меня, связанную и выставленную специально для него.

В животе у меня бьются бабочки, влажные губы опухли. Я всё ещё ощущаю вкус спермы Баша на кончике языка, но будь это пир, я считала бы, что попробовала только первое блюдо.

Баш дёргает верёвку вверх, и моё тело выгибается, выпячивая грудь. Я до сих пор в своём платье, но у него низкий вырез, и Кас, подойдя ко мне, проводит пальцем по линии шва. По груди от прикосновения бегут мурашки, соски тут же твердеют.

Кас смотрит, как они туго натягивают ткань.

– Тебе нравится, когда тобой пользуются, Дарлинг? – спрашивает он, словно ответ имеет значение.

Нравится ли? Никому никогда не было дела до того, чего хотелось мне.

– Это сложный вопрос, – говорю я.

– Ну так дай на него лучший ответ.

– ...Да.

– Почему?

Я закрываю глаза, и его рука опускается ниже, ловкие пальцы дразнят мой сосок сквозь ткань. Я издаю тихое шипение, когда ответный трепет пронзает мою киску.

– Потому что от этого я чувствую себя лучше.

– А ещё?

Кас перемещает руку на вторую грудь, сильно сжимает сосок, и трусики на мне снова влажнеют.

– И... менее одиноко.

Глаза жжёт от непрошенных слёз.

Это гораздо больше, чем я хотела бы признать. Куда более правдивый ответ, чем было бы удобно.

Я больше не хочу быть одна.

Кас расстёгивает ремень, молния на его штанах громко звжикает, расходясь зубец за зубцом.

Контуры его напряжённого члена проступают сквозь тёмную ткань нижнего белья. Будь у меня свободны руки, я бы охотно ему помогла.

С Касом я была только один раз, и то сразу после того, как Пэн отымел меня на столе, и в то же время Баш трахал меня сзади.

Не было времени обращать внимание на некоторые вещи.

У Каса больше, чем у Баша. По-моему, даже больше, чем у Пэна. Трудно сказать, как они соотносятся по размеру с Вейном.

Не знаю, поместится ли его член мне в рот полностью.

Баш перемещает руку с моего горла на загривок и разворачивает меня так, будто я сцена, он режиссёр, а Кас – звезда сегодняшнего выступления.

Сердце стучит в барабанных перепонках.

Желудок скручивает.

У меня получится. Я смогу взять его на всю длину. Я это

сделаю.

Он трётся головкой члена о мои губы, и я высовываю язык ему навстречу, отчего он издаёт рычащий стон. Этот дикий звук вызывает дрожь в моей киске.

Он хочет ещё растянуть удовольствие, но я уже вижу, что на это нет времени.

Кас проводит по моей нижней губе большим пальцем, потом скользит в рот, заставляя меня пососать его.

– Возможно, я обманываю себя, – хрипло говорит он, прикрыв глаза. – Может быть, с тобой, Дарлинг, ничего, кроме безысходности, просто не работает.

А потом засаживает мне в рот свой член.

Глава 6

Уинни

Кас быстро и жёстко трахает меня в рот, и вскоре по моему лицу уже текут слёзы.

Я действительно задыхаюсь.

Со связанными за спиной руками я не могу контролировать его темп, и он двигается совершенно безжалостно.

Отчаянно.

И у него слишком большой член для моего рта.

Когда Кас кончает, сперма струёй бьёт мне в горло, и стоит ему достать член, я судорожно хватаю ртом воздух.

Кас уходит, пошатываясь, и падает на диван, запрокинув голову, – под потолком жуки-пикси мечутся туда-сюда в возбуждённом неистовстве.

Я знаю, что они чувствуют.

Я делаю ещё несколько жадных вдохов, и Баш подходит вытереть мне слёзы.

– Ты такая хорошая девочка, правда, Дарлинг?

– Развяжи меня, – говорю я, – чтобы я могла позаботиться о короле.

Он улыбается мне.

– Как хочешь.

Освободившись от верёвок, я растираю запястья, чтобы немного вернуть кистям чувствительность.

Смотрю на Пэна.

Он сидит с рассеянным взглядом, развалившись в кресле. На нём тёмные джинсы и тёмная футболка, облегающая его бицепсы, как вторая кожа.

Чернильные линии сбегают по его рукам, несколько витков татуировки выглядывают из-за воротника.

Восхитительно *нечестивое* зрелище.

И я никогда не перестану грешить ради него.

Я пытаюсь встать с пола, чтобы подойти к нему, но Пэн щёлкает языком и качает головой.

– Разве я сказал тебе подняться с колен? – удивляется он. – Ты должна *приползти ко мне*.

Бабочки в моём животе взвиваются смерчем желания и стыда.

Он хочет, чтобы я *ползла* к нему?

Он думает, будто докажет мне, что я не смогу оставаться в игре, хотя сам при этом клянётся, что ненавидит играть.

Всё здесь игра. Особенно вот это, сейчас.

Все ждут молча, им интересно, что я стану делать.

Я не проиграю.

Я полна решимости сделаться пиршеством для Питера Пэна, чтобы он не мог насытиться вкусом самого особенно-го блюда.

Я ставлю руки на ковёр и ползу к нему.

В руках Вейна захлопывается книга, и у меня смещается центр тяжести от одной только мысли о том, что он наблюдает за мной. Я скольжу низко, как змея, изгибаю спину, выпячиваю задницу.

Может быть, если я достаточно вложусь в это шоу, он тоже захочет меня.

Я хочу снова и снова брать у этих мужчин, копить свою добычу, словно алчная королева.

Когда я добираюсь до Пэна, он раздвигает ноги, чтобы я могла усесться прямо перед ним. Он смотрит сияющим удовлетворённым взглядом, как я расстёгиваю пряжку и протягиваю сквозь шлёвку кожаный ремень. Металл звенит. Пэн наблюдает за моими движениями.

Расстегнув пуговицу, я вижу, как его член натягивает ткань, и от вида этой выпуклости в моей груди разгорается огонь.

Я расстёгиваю молнию и рывком спускаю его штаны, освобождая член.

Приподнявшись, я нацеливаюсь губами прямо на набухшую головку члена, и тело Пэна напрягается в ожидании.

Я беру его в руку, медленно глажу по всей длине, запоминая каждую бороздку, каждую выступившую венку.

Пэн скрежест зубами.

– Я не хочу делиться, – говорю я ему.

Его ноздри раздуваются.

– Я не хочу видеть у тебя на коленях какую-то девчонку из города, когда я сама от тебя всего-то через коридор. Когда *я сама* могу сидеть у тебя на коленях.

Я выпрямляюсь, отодвигаю губы на дюйм от него и дразняще выдыхаю. Головка его члена подрагивает в предвкушении того, как погрузится мне в рот.

– Скажи это, Король Неверленда.

– Коснись моего члена этим хорошеньким ротиком, и, может быть, я и скажу.

Я медленно придвигаюсь и провожу кончиком языка по блестящей щели уретры на его члене.

– Скажи это.

Он со стоном качает бёдрами вперёд, навстречу мне, так что я опускаюсь к утолщённому основанию его члена и облизываю его снизу.

Слышно, как Пэн шумно выдыхает.

Я думаю, мы оба знаем, что он может сам толкнуться мне в рот в любой момент, но игра есть игра. И я намерена победить.

Король Неверленда мой. И я заставлю его признать это.

Я совершаю такое движение, будто собираюсь снова лизнуть его от основания до кончика, держа губы совсем близко, почти касаясь, но не вплотную.

Пэн издаёт низкий животный стон на грани рыка.

– Дарлинг, – говорит он.

– Да?

Он закрывает глаза и делает глубокий вдох, стараясь успокоиться.

– Единственная киска, в которой я буду, – твоя. – Вновь открыв глаза, он вдруг подаётся в кресле вперёд, хватая меня за предплечья и резко разворачивает так, что я оказываюсь на сиденье, а он сам – на коленях. – Единственный рот, который приблизится к моему члену, – твой. – Он собирает моё платье вверх, к талии. – Единственная девушка, которая будет сидеть у меня на коленях в качестве моего прелестного трофея, – это ты. – Он зацепляет пальцем мои трусики и оттягивает их в сторону, обнажая промежность. – И единственная девушка, с которой я буду обращаться как со своей личной шлюхой, – это ты. – Он придвигается, почти касаясь ртом влажной кожи – обращает моё же оружие против меня.

Я дрожу в предвкушении.

– Этого тебе хватит, Дарлинг? – спрашивает он.

Я решительно киваю.

– Да.

Он проводит языком по моему клитору: скорее подразнить меня, нежели зачем-либо ещё, но даже от такого мимолётного касания я чуть не вылезаю вон из кожи.

– Повтори ещё раз, – приказывает он.

– Да, этого мне хватит.

Он скользит пальцами вверх по шву трусиков, нарочно проводя тыльной стороной костяшек по моей киске и выше по клитору.

Я дрожу от удовольствия.

– «Да, кто»?

Я глубже утопаю в шикарном кожаном кресле.

– Да... Пэн?

Он плюёт на мою киску и скользит двумя пальцами вверх, чтобы снова невзначай встретиться с возбуждённой набухшей плотью.

– Попробуй ещё раз.

– Да... – Я делаю резкий вдох, когда он проскальзывает обратно и глубоко проникает в меня пальцами. – Да, мой король.

– Хорошая девочка, – говорит он, и наконец случается то, что мне нужно на этот момент больше всего: его рот оказывается на моей киске.

Он лижет, дразнит и трахает меня языком.

Я извиваюсь в кресле, но Пэн крепко держит меня, не давая вырваться.

Я тяжело дышу и издаю стоны в потолок.

Его рот совершенно безжалостен.

Удовольствие накапливается в клиторе, и когда Пэн добавляет ещё один палец, теперь трахая меня уже тремя, из моего горла вырывается пронзительный крик.

Я чувствую, как они все смотрят на меня.

И мне всё равно.

Каким-то образом Пэн перекроил представление, сделав меня и зрительницей, и исполнительницей одновременно.

Я извиваюсь под ним. Он перехватывает меня ещё крепче, его язык скользит по моей влажной щели.

– Кончи для меня, Дарлинг, – говорит он между моих бёдер. – Кончи мне в рот.

Я дышу слишком быстро и мелко, голова кружится, а всё тело пылает от желания и потребности получить удовлетворение. Когда Пэн снова проводит языком по моему клитору и его пальцы наполняют меня, на меня обрушивается волна оргазма.

Я кончаю так громко, что спящие попугайчики просыпаются и взлетают, взмахивая крыльями.

Я запускаю руку в волосы Пэна и притягиваю его к себе, а оргазм перетряхивает меня, как землетрясение. Каждая косточка в теле ходит ходуном.

Нет больше ничего, кроме удовольствия и жара.

Пройдя через них, я распластываюсь в кресле; Питер Пэн всё ещё между моих ног, его губы блестят от моих соков.

Он медленно поднимается, вырастая надо мной, линия его плеч заслоняет свет, и я вижу только его.

– Ты хочешь нас, Дарлинг, мы у тебя есть, но ты будешь следовать моим правилам. Понятно?

Я делаю несколько медленных, размеренных вдохов.

– Скажи это вслух, Дарлинг.

– Да. Хорошо. Я буду следовать твоим правилам.

– Если ты жаждешь присесть на чей-нибудь член, у тебя есть целых четыре на выбор. Четыре и не больше. – Он об-

хватывает руками мои бёдра и дёргает мою задницу к краю сиденья. – Если я застукаю тебя с кем-то ещё, я буду не в восторге. – Трусики всё ещё сдвинуты в сторону, и он прижимается головкой ко входу. – Скажи, что ты поняла.

– Я поняла.

Он входит в меня, и я быстро выдыхаю. Темп толчков с ходу меняется. Ещё быстрее. Ещё сильнее. Он сгибает мои ноги и вколачивается в меня, и я такая мокрая, а он такой твёрдый, что каждый раз, когда его член погружается в меня, слышен громкий хлюпающий звук.

Пэн вбивается в меня, вжимая меня глубже в кресло. Он трахает меня так, будто владеет мной полностью, и, возможно, в некотором смысле так и есть.

Может быть, я правда его собственность.

Может быть, я даже не против.

Пэн неумолим, и моя киска принимает его натиск.

И я буду принимать их всех снова и снова, потому что в нашей близости всегда будет чувствоваться сила.

И я хочу быть сильной среди этих сильных мужчин.

Когда Пэн наконец кончает в меня, я в изнеможении, болезненно чувствительна и удовлетворённо сияю.

Но остался ещё один.

Ещё один член, которому я могу доставить удовольствие.

Если он позволит мне.

Пэн отстраняется, заправляет член в штаны и падает в соседнее кресло.

Я сажусь и чувствую направленный на меня взгляд разноцветных глаз Вейна.

Он едва заметно качает головой.

Но меня не так легко запугать.

Я встаю, пересекаю комнату, сперма Питера Пэна стекает по внутренней стороне бёдер.

Грудь Вейна вздымается от глубокого вдоха.

Сердце гулко колотится в горле.

Перед Вейном я снова опускаюсь на колени, но на этот раз руки у меня трясутся, а во рту пересохло от предвкушения.

Я тянусь расстегнуть пуговицу на его штанах, но Вейн хватает меня за запястье, а его фиолетовый глаз становится черным.

Ужас прокатывается у меня по позвоночнику, а на лбу выпадает пот.

Глотая воздух, я пытаюсь подавить страх, от которого по коже идут мурашки.

Я смогу это сделать. Я смогу вынести его самого и его способность вселять ужас и доказать ему, что я сильная.

Я протягиваю к нему и другую руку, решив, что на этот раз точно получу его.

Но я даже не успеваю понять, что происходит, как вдруг меня словно вихрем проносит через всю комнату и швыряет в стену, а пальцы Вейна смыкаются у меня на горле.

Глава 7

Уинни

От шока я бессмысленно захлёбываюсь воздухом. Вейн перехватывает меня крепче, окончательно перекрывая возможность дышать, и поднимает вверх, и я бессмысленно сучу ногами в поисках опоры.

Вокруг его глаз расплзается тьма Тени Смерти, волосы становятся снежно-белыми.

– Вейн! Ради всего святого! – Пэн и близнецы подбегают к нам.

Судорожно пытаюсь сделать вдох, я чувствую, как у меня багровеет от натуги лицо.

– Отпусти её, – рявкает Пэн.

Ужас снова поднимается от низа живота и ползёт вверх по всему телу, как сороконожка. Сердце громко стучит в ушах.

– Дарлинг сама этого хочет. – Вейн теперь не только выглядит, но и говорит иначе. С Тенью Смерти он больше напоминает демона, чем человека, поэтому его грохочущий голос эхом разносится по комнате.

Из-под век у меня вытекают слёзы и сбегают вниз по щекам.

Я не была готова.

Я понятия не имела, во что ввязываюсь.

– Ш-ш-ш, – шипит Тёмный издевательски ласково, – подожди плакать до момента, когда станет действительно больно.

Глаза у меня едва не вылезают из орбит.

– Пожалуйста, отпусти её, – повторяет Пэн. Близнецы встают по обе стороны от нас.

– Она думает, что хочет этого, – продолжает Вейн. – Так дайте мне показать ей, почему не надо этого хотеть.

Будь у меня воздух в лёгких, я бы кричала.

Я хватаюсь за запястье Вейна, другой рукой отчаянно царапая его предплечье. Мне нужен воздух. Воздух. Хоть какая-то передышка.

Твою мать.

Может быть, я глупая девчонка и вообще ничего не понимаю.

– Вейн, – ещё глуше произносит Пэн, и близнецы одновременно бросаются вперёд.

Вейн выпускает меня, я падаю на пол и хватаю ртом воздух, стоя на четвереньках.

Близнецы сгребают Вейна за руки и оттаскивают назад. Он борется с ними, душит Баша за горло и отбрасывает в сторону, как будто тот ничего не весит. Следующим уже Кас получает мощный пинок ботинком в грудь. Он отлетает в сторону, врезается в ствол Небывалого Дерева, и ветви со-

дрогаются от удара.

Дальше Вейн поворачивается к Пэну.

Тот поднимает руки.

– Соберись, мать твою, и включи голову, – выплёвывает он.

Вейн направляется к нему.

– Чёрт возьми, Вейн.

Я жадно втягиваю кислород и начинаю потихоньку подниматься на ноги, упираясь спиной в стену.

Голос, когда я пытаюсь заговорить, звучит хрипло и глухо.

– Вейн, – сиплю я.

– Она ведь наша, так? – говорит Вейн, его голос всё ещё пугающе мрачный.

– Тебе надо разобраться, как контролировать тень, – отвечает Пэн, по-прежнему отступая. – Не то мы тут все подохнем.

– Я и есть тень. – Вейн понемногу сокращает расстояние между ними. – Мне не нужно её контролировать.

– Нужно, мать твою, или я отошлю тебя обратно на твой остров.

Вейн делает выпад. Пэн уворачивается. Тёмный снова захивается и ловит Пэна под челюсть – и, когда противник отшатывается назад, хватает его за руку, пользуясь секундным промедлением.

От его прикосновения по татуировкам Пэна растекается тьма, просачиваясь в его кожу ещё глубже, чем чернила.

Что это такое?

Тьма ползёт всё выше и выше и разъедает бледную кожу у Пэна на горле.

– Что происходит? – хриплю я. – Кас? Что это?

Кас качает головой, широко раскрыв глаза.

– Он убьёт его, если не остановится.

Чернильные щупальца тянутся вверх по изгибу челюсти Пэна, и его губы чернеют.

– Что нам делать?

Баш морщится.

– Чёрт, я не представляю. Никто, кроме Пэна, против Вейна не выстоит.

Пэн стискивает зубы, тьма поглощает его дюйм за дюймом.

– Вейн... твою-то мать...

Он уже задыхается, но Вейн явно не собирается ослаблять хватку.

– Надо что-то сделать, – повторяю я.

Питер Пэн не может умереть.

– Вейн! – кричу я.

Он слегка поворачивает голову, над плечом показывается ровная линия подбородка.

– Можешь делать со мной всё, что захочешь!

– Дарлинг, – шипит Кас, – какого хрена ты творишь?

Я подхожу ближе, вскинув ладони перед собой, чтобы показать, что не собираюсь причинять ему вред.

Вейн выпускает Пэна, тьма тут же отступает, и Пэн сгибается, прижимая руку к груди.

Тень Смерти поворачивается ко мне, и ужас возвращается.

Вейн медленно наступает на меня, преследуя, как хищник добычу.

Я снова врезаюсь лопатками в стену, наступаю босой ногой на осколок стекла и шиплю от резкой вспышки боли.

Это меньшая из моих проблем. На рану можно посмотреть позже.

Но Вейн переводит взгляд на пол, на кровавый след моей ступни.

Боль острая и сильная, но в целом ничего особенного, что я не испытывала бы раньше.

Кровь течёт, нервы пульсируют от боли, но я замечаю кое-что ещё.

Ужас ушёл, когда появилась кровь.

Вейн хмурится, и белизна сходит с его волос.

Я дышу, преодолевая жжение боли в ноге.

К глазам Вейна возвращаются их привычные несовпадающие цвета: чёрный и фиолетовый, – но по напряжённым желвакам всё ещё читается гнев.

Энергия в комнате изменилась. Это затишье после бури, когда океан перестал кипеть, а небо – взрываться раскатами грома.

Вейн расправляет плечи, делает долгий глубокий вдох.

– Никогда больше так не делай, – говорит он мне. Выходит на лестницу и устремляется прочь из дома.

Глава 8

Питер Пэн

Я подлетаю к Дарлинг, приподнимаю её, оперев себе на плечо, и легонько подталкиваю её лодыжку.

– Подними ногу, – приказываю я. Она слушается.

На своде стопы у неё глубокий порез.

– Кас, – зову я.

– Уже бегу. – Он исчезает в коридоре.

Баш открывает один из шкафчиков за барной стойкой, возвращается с полотенцем и протягивает его мне.

– Держись за меня, Дарлинг, – говорю я. Она обвивает рукой мою шею, и я с лёгкостью поднимаю её. Я отношу её на диван и усаживаю в угол, чтобы было удобно положить её окровавленную ногу себе на колени. Алая кровь льётся мне на штаны.

Кас возвращается с аптечкой, иглой и ниткой.

– Всё не так плохо! – протестует Дарлинг и пытается отдёргнуть ногу.

Я держу её крепче.

– Не сопротивляйся, – уговариваю я. – Это открытая рана. Она заживёт быстрее, если мы наложим швы.

Дарлинг падает обратно на подушку.

– Ножи я ещё могу выдержать. А иглы... уже вряд ли.

Я гляжу на неё: в красивых зелёных глазах плещется ужас.

Я думаю, она даже сильнее, чем нам хотелось верить, но у каждого человека есть что-то, чего он боится до дрожи.

Не так давно больше всего на свете я боялся потерять остров.

Но сейчас, когда я ещё чувствую на себе запах Дарлинг и при этом её кровь пропитывает мою одежду, этот страх преобразуется к чёртовой матери прямо у меня на глазах.

Смотреть, как она истекает кровью, видеть, как синяки начинают расцветать вкруговую у неё на шее – отпечатки пальцев Вейна, прижавшего её к стене...

У меня словно скручивает все внутренности. Я не желаю отпускать её.

Я не хочу, чтобы она исчезла, как моя тень, ускользнула в ночь и оставила меня одного, опустошённого человека, у которого нет больше ничего, кроме бьющейся в нём тьмы и гноящейся раны на месте сердца.

Внутри у меня только холод. А я хочу тепла.

Я щёлкаю пальцами в сторону бутылки бурбона на столе, и Кас приносит её, чтобы я мог намочить тряпку. Когда я подношу мокрую ткань к раненой ступне, Дарлинг шипит и дёргается в моей хватке.

– Лежи тихо.

– Но мне больно!

– Ты собиралась позволить Вейну делать с тобой всё, что ему заблагорассудится, а теперь жалуешься, что спирт щиплет?

Она стонет, зная, что я прав.

– Нам бы надо заняться проблемой Тёмного, – замечает Баш, нагревая иглу на пламени зажигалки.

– Одна проблема зараз.

Наша новая мантра, похоже.

Очистив кожу от крови, я внимательно изучаю рану. Она примерно три дюйма в длину и всё ещё кровоточит. В мире Дарлинг в таких случаях применяют анестезию. Здесь у нас есть принцы фейри.

– Дайте ей что-нибудь от боли, – приказываю я, когда Баш передаёт мне иглу с нитью.

– Ложись, Дарлинг, – говорит ей Кас.

Она смотрит на нас скептически.

– То есть трахать тебя до беспамятства нам можно, а позаботиться о тебе, когда ты пострадала, нет? – спрашиваю я. Мне не нравится, что она похожа на раненого лесного зверька, дрожащего и насторожённого. – Пожалуйста, Дарлинг, – добавляю я мягче. – Позволь мне тебе помочь.

В глазах у неё стоят слёзы, и я вдруг задумываюсь о том, что к ней никогда в жизни не относились бережно. Я могу быть жестоким, трахать её и обращаться с ней как со своей шлюхой, но я буду заботиться о ней, когда она ранена. И ей придётся подчиниться, и я докажу, что способен и на то и

на другое.

Я не предаю её в момент, когда нужен ей больше всего.

Наконец она меняет положение и откидывается на подушки. Я киваю Касу.

Через несколько секунд Дарлинг выдыхает с облегчением. Я даже не глядя понимаю, что он создал для неё иллюзию. Магия фейри может влиять на ощущения так же, как и на зрение.

– Порядок? – спрашиваю я Каса.

Он кивает.

– Некоторое время ей будет лучше.

Я примеряюсь иглой к плоти и начинаю зашивать. Дарлинг почти не замечает.

– Он чуть не убил тебя. – Баш садится на край низкого столика передо мной и принимается наблюдать за тем, что я делаю.

– Да, но всё-таки не убил.

– Только потому, что его отвлекла Дарлинг.

Края раны уже наполовину сошлись, и с каждой секундой она становится всё меньше. Когда тебе постоянно угрожают пираты, ты быстро становишься мастером по лечению ран.

– Ему просто нужно прийти в равновесие, – говорю я, хотя прекрасно знаю, что это чушь собачья. Вейн уже много лет живёт в Неверленде. Тень Смерти у него ещё дольше. Если бы он собирался прийти в равновесие, он бы уже это сделал.

– Если ты вернёшь свою тень... – начинает Кас, – дума-

ешь, ты сможешь его контролировать?

– Трудно сказать.

Сомнительно. Может быть.

Может быть, я сглупил с самого начала, увлѣкшись этой идеей.

Рана зашита полностью, я завязываю последний узел и передаю иглу Касу. Баш ждѣт с марлей, бинтом и банкой мази фейри, которую он регулярно готовит. Крышка уже открыта, и я зачерпываю пальцем немного мази. Она пахнет землѣй Неверленда.

Я аккуратно втираю лекарство, кладу поверх марлю и забинтовываю ногу.

– Поддерживайте иллюзию некоторое время, – говорю я близнецам. – Пусть отдохнѣт.

Где бы ни путешествовал её разум, сейчас она где-то очень далеко от нас и чердака.

Оно и к лучшему.

Когда в голове возникают образы близнецов, трахающих её в рот, член у меня слегка напрягается.

Боже, я обожаю смотреть, как её имеют.

Но только те, кому я доверяю больше всего. Я бы не позволил никаким другим ублюдкам подойти достаточно близко, чтобы дышать с ней одним воздухом.

Вейн был прав в одном: Дарлинг умело играет мной.

Мысль о том, что кто-то ещё коснѣтся её хоть пальцем, вызывает у меня желание переломать ему все кости.

Я смотрю на Дарлинг, распростёртую на диване, её ноги всё ещё лежат у меня на коленях. Её кожа на ощупь тёплая и мягкая. Хочется удобно улечься у неё под боком. Хочется притянуть её к себе.

Оба эти стремления ощущаются какими-то чужими, не свойственными мне в принципе.

Обычно я не собственник. Я не увлекаюсь настолько, чтобы мне было не наплевать. Но сейчас я хочу завоевать, сделать своим каждый дюйм её бледной кожи.

Мне нужно убраться отсюда, прежде чем я снова трахну её, воспользуюсь ей в момент, когда не стоило бы.

Я осторожно выскальзываю из-под её ног, затем стягиваю плед со спинки дивана и укрываю крошечное тело. Она сворачивается в тепле в клубок и тихонько стонет, когда я отодвигаю в сторону выбившуюся прядь волос.

В животе всё снова сжимается, но совсем по другой причине.

– Скоро вернусь, – говорю я близнецам. – Присмотрите за ней. Пожалуйста.

– Конечно, – соглашается Кас.

– Она не только твоя, она и наша тоже, – замечает Баш. – Нас можно даже не просить присматривать за ней.

И принцы фейри тоже стали настойчивее.

Одна проблема зараз.

Я отвечаю им быстрым кивком и направляюсь на поиски Тёмного.

Вейна я нахожу на берегу лагуны – он идёт к Скале Покинутых.

Духи поднимаются из бирюзовой воды на поверхность: я вижу руки, лица, хлопающие хвосты. Они пытаются приблизиться к нему. Пусть его тень не из Неверленда, но магия тянется к магии, независимо от её происхождения.

– Даже не начинай! – гаркает он, хотя я стою у него за спиной и пока не издал ни звука.

– Я ничего не говорил.

– Я слышу, как ты думаешь.

– Нет, не слышишь.

– Значит, чувствую, как ты думаешь.

Он затягивается сигаретой – над его плечом взвивается дым.

Я ускоряюсь, чтобы догнать его. Песок лагуны скрипит под босыми ступнями. Я всегда чувствую себя лучше, прикасаясь к земле Неверленда. Она знает меня, а я – её.

Магия тянется к магии.

Если бы только моя магия была при мне.

Всё пошло не так, как должно было.

– Становится хуже, – признаётся Вейн, стоит мне поравняться с ним.

– И как нам это решить? – спрашиваю я. Всегда лучше

сосредоточиться на том, что делать, а не на эмоциях.

– Я не знаю. – Он качает головой, делает ещё одну затяжку и выпускает дым. – Заявляя свои права на тень, я стремился достичь одной конкретной цели. Я не думал, что делать потом, после того, как я отомщу. – Он косится на меня здоровым глазом. – Она хочет вернуться на свою землю. Я это чувствую.

Мне не нравится, к чему движется этот разговор.

– Ты хочешь сделать так, как она хочет?

– Я не хочу возвращаться туда.

Я рад.

День-День когда-то была моей лучшей подругой. На этом месте после её гибели осталась огромная пустота. Вейн заполнил её, но в нём всегда мелькало нечто непостоянное. Я знал, что ему, вероятно, придётся когда-нибудь уйти. Тень принадлежит земле, а не человеку, который её присвоил.

Я просто надеялся, что момент, когда он уйдёт, наступит позже. Гораздо позже.

– Может, тебе вернуть её? – предлагаю я. – Отдать кому-нибудь с твоего острова.

Он снова смотрит на меня.

– Я не буду претендовать на Тень Смерти Неверленда, если ты на это намекаешь.

Я насмешливо фыркаю:

– Давай-ка менее радикально.

– Мудила. Я так и знал, что ты об этом думаешь.

– Вейн...

– Нет. Избавившись от этой тени, я освобожусь от болезни, которая разрушает и поглощает меня. – Он указывает на свой чёрный глаз. – Прямо сейчас я чувствую, как она плачет под поверхностью, как духи лагуны. Но, в отличие от них, она хочет смотреть, как хорошенькие девочки плачут, пока их мокрые киски таранят членом.

Вейн вздрагивает, произнося последние слова.

Естественно, он имеет в виду не *любых девочек*.

Когда сигарета догорает, он бросает окурок в лагуну, и тот гаснет. Магия заставляет его полностью исчезнуть. Канул, как не было.

– Ну ладно, что уж, – говорю я. – Избавься от своей тени и стань таким, каким был прежде. У тебя наверняка есть силы помимо неё, иначе ты бы с самого начала не смог её заполучить.

Он хмурится. Эту тему мы никогда не затрагивали, но я часто об этом думал. Обычный человек не может заявить права на тень.

Он качает головой, обозначая свои границы. Я и не думал, что мне удастся легко выведать его секреты, но попытаться определённно стоило.

– Как, по-твоему, сколько у тебя времени? – спрашиваю я вместо этого.

– Полагаю, на всё это дерьмовое шоу хватит.

– Хорошо. Тогда у меня есть для тебя пара поручений.

Он смотрит на меня насторожённо:

– И почему же я настолько уверен, что они мне не понравятся?

Я не обращаю на него внимания.

– Просьба первая: мне нужно, чтобы ты отправился к Крюку и попросил разрешения пройти на его землю.

– И как я ему это объясню, по какой причине нам это нужно?

– Скажи, что у меня пропал один из Потерянных Мальчишек. Это даст нам немного времени.

– А второе?

Я колеблюсь, потому что знаю, что этот пункт ему не понравится – да и мне, возможно, не понравится тоже. Но что говорил сам Вейн? Иногда нужны решительные меры.

– Как тебе мысль позвать сюда твоего брата? – спрашиваю я.

– На кой ляд? Ты правда хочешь, чтобы я полез в это осиное гнездо?

– Да ладно тебе, Вейн. Ты сам знаешь, что твой брат нормально относится только к тебе.

Он хмыкает.

– Я сто лет с ним не разговаривал. С тех пор как он помог нам в прошлый раз.

– Вот поэтому он нам снова нужен. Считай, что это страховка. План «Б».

– О нет, моего брата не зовут в качестве плана «Б». И,

кроме того, в прошлый раз ты предложил справедливую цену. Что, чёрт возьми, ты можешь предложить ему сейчас?

Я стараюсь сохранять бесстрастное выражение лица, но Вейн знает меня лучше, чем все остальные. Он встречается со мной взглядом, прищуривается.

– О, я вижу, сукин ты сын. Опять твои секреты. Выкладывай.

Я очень долго держал эту информацию при себе. Пока она ни разу мне не пригодилась, но теперь, думаю, возрастёт в цене, если с её помощью я смогу получить то, что мне нужно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.